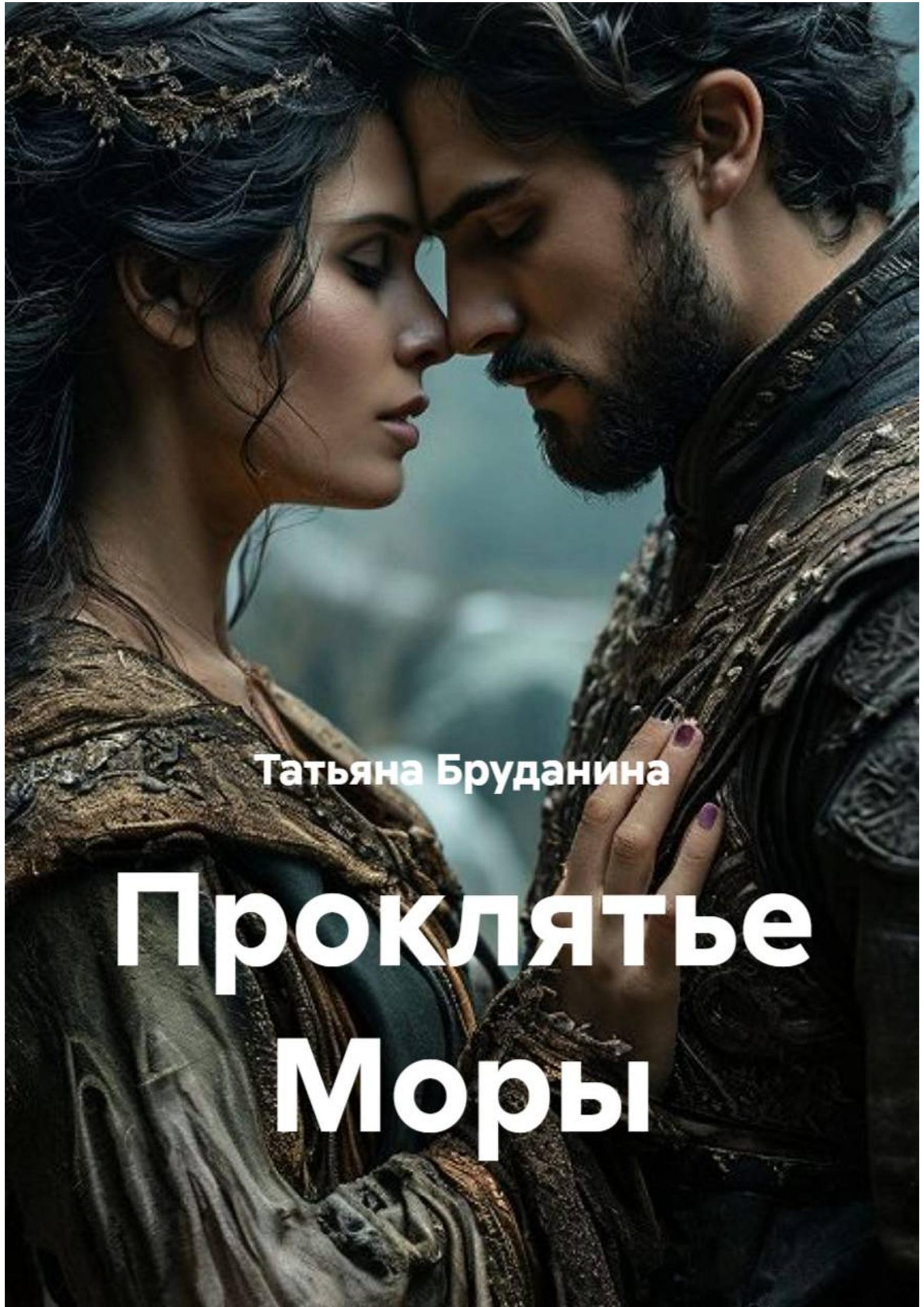

A romantic close-up of a man and a woman in medieval-style clothing, nearly kissing. The woman is on the left, looking down, and the man is on the right, looking up. They are both wearing ornate, dark, textured garments. The background is a blurred, misty landscape.

Татьяна Бруданина

Проклятье Моры

Татьяна Бруданина
Проклятье Моря

«Автор»

2026

Бруданина Т.

Проклятье Моря / Т. Бруданина — «Автор», 2026

«Проклятье Моря» — мистическая драма о вечной любви и горьком выборе. Эли - целительница, потеряв любимого, в отчаянии бросает вызов древней богине смерти и взамен жизни с ним получает проклятие, она обречена жить вечно. Её любовь неизменно сгорает, а бессилие перед утратами становится её главной мукой. Сквозь эпохи Эли вновь и вновь встречает перерождённую душу любимого - в разных лицах, с одними и теми же глазами и едва уловимым жестом: неосознанным касанием левого плеча. Каждый раз история повторяется: вспыхивает чувство, а затем приходит неизбежная потеря. Эли учится отпускать, бережно храня осколки каждой встречи — от обломка кости до записки из XXI века. В наши дни она пересекается с Марком, археологом, который раскрыл ее тайну. Не помня прежних жизней, он тянется к Эли, словно ведомый чем-то древним и неумолимым. Перед Эли встаёт мучительный выбор: пожертвовать вечностью ради краткого счастья с Марком или уберечь его от своей проклятой судьбы, снова отпустив в свободную жизнь.

© Бруданина Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЭПОХА КАМНЯ И ПЕПЛА	5
Глава первая. Та, что говорит с огнём	5
Глава вторая. Пещера Моря	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Татьяна Бруданина

Проклятье Моря

ЭПОХА КАМНЯ И ПЕПЛА

Глава первая. Та, что говорит с огнём

Мир был молодым, и он пах кровью.

Не той кровью, что пугает, совсем нет. Кровью жизни. Кровью зверя, разделанного у входа в пещеру. Кровью земли, размокшей после дождя. Кровью неба на закате, когда солнце падало за край мира, и старая Нау говорила, что оно умирает каждый вечер и каждое утро рождается заново, потому что Великая Мать любит его больше всех.

Эли не верила в это.

Она вообще мало верила в то, что говорила Нау, хотя та была хранительницей слов, самой старой женщиной племени, единственной, кто помнил три голодные зимы подряд и выжил. Нау было, может быть, сорок вёсен. Может, больше. Никто не считал. Зачем считать то, что всё равно закончится?

Эли было семнадцать, и она знала это точно, потому что мать перед смертью привязывала узелок на кожаный шнурок каждый раз, когда снег таял в первый раз после долгой тьмы. Семнадцать узелков. Мать умерла на четырнадцатом, и Эли сама завязала оставшиеся три, неровно, слишком туго, словно боялась, что время развяжется и убежит.

Шнурок она носила на левом запястье.

В то утро, последнее утро, хотя она ещё не знала этого, Эли сидела у входа в пещеру и перетираала корни мыльнянки между двумя плоскими камнями. Корни были жёсткие, упрямые, не хотели поддаваться. Пальцы у неё были сильные, короткие, с навечно забитой под ногти землёй, и она давила на камень всем весом, чуть покачиваясь вперёд и назад, как покачивается дерево на ветру.

Если растереть мыльнянку достаточно мелко и смешать с жиром, получится паста, которая снимает жар. Если добавить золу — заживляет раны. Если добавить сок ягод тиса — убивает.

Эли знала все три рецепта.

Она была целительницей — одной из тех, кого Нау называла «говорящими с огнём», потому что огонь был первым лекарством: он прижигал, он согревал, он очищал. Эли училась у своей матери, а мать — у своей, и так далее, вглубь поколений, до самой Великой Матери, которая, по словам Нау, родила первого человека из глины и собственной крови.

Эли не верила в Великую Мать.

Она верила в корни, в жир, в золу. В то, что можно потрогать.

И в Кая.

Кай.

Его имя на языке племени звучало иначе — что-то среднее между щелчком и выдохом, звук, который невозможно записать буквами, которых ещё не существовало. Но если перевести на язык, который появится через тысячи лет, ближе всего было бы «Кай» — тот, кто идёт первым.

Он и шёл первым. Всегда.

Первым выходил из пещеры на рассвете, когда воздух был ещё синим и острым, как кремень. Первым поднимал копьё, когда слышал треск веток в чаще. Первым бросался в ледяную

реку, чтобы вытащить бревно для костра. У него были широкие плечи, длинные руки, шрам на левом плече от когтей рыси, которая напала на него прошлой зимой. Он убил её голыми руками — так рассказывали. Сам он не рассказывал. Он вообще мало говорил.

Но когда он смотрел на Эли, он говорил всё.

Она помнила, как это началось. Прошлым летом, у реки. Она мыла руки после того, как зашила рану на ноге маленького Тиса — мальчишка наступил на острый камень, — и Кай стоял на другом берегу с рыбой в руках, мокрый, блестящий, и смотрел на неё так, будто видел впервые.

— Что? — крикнула она.

Он не ответил.

Просто стоял. Рыба билась в его руках, серебряная, отчаянная, живая, и он не замечал её, потому что смотрел на Эли, и в его глазах было что-то такое, для чего в их языке не существовало слова. Это слово появится позже — через тысячи лет, в десятках языков, и ни одно из них не будет точным. Любовь. Амор. Эрос. Минне. Ишк. Ай. Всё не то. Всё — попытка назвать то, что назвать нельзя.

Рыба выскользнула из его рук и упала в воду.

Кай даже не посмотрел вниз.

С того дня они были вместе. Не так, как «вместе» понимают в будущем — не было ни клятв, ни колец, ни слов. Было проще. Он приносил ей лучшие куски мяса. Она перевязывала его раны. Он спал рядом, и его дыхание было тёплым на её затылке. Она клала руку на его грудь и считала удары сердца, и это было единственное, что она считала с удовольствием.

Иногда они уходили далеко от стоянки — к дальним холмам, где росли старые берёзы и землю покрывал мох, мягкий, как шкура новорождённого оленёнка. Там Кай ложился на спину, закидывал руки за голову и смотрел в небо, а Эли ложилась рядом и смотрела на него.

— Как ты думаешь, — говорил он однажды, и голос его был низким, медленным, как река зимой, — что будет, когда мы умрём?

— Ничего, — ответила Эли. — Как до того, как мы родились.

— Нау говорит, что мы уходим к Великой Матери.

— Нау говорит много.

Он повернул голову и посмотрел на неё. Глаза у него были странного цвета — не карие, не зелёные, а что-то между, как речная вода на мелководье, когда сквозь неё видно камни на дне.

— Ты ничего не боишься, — сказал он. Это не было вопросом.

— Боюсь, — сказала Эли.

— Чего?

Она положила ладонь на его левое плечо — туда, где шрам от рыси — и сказала:

— Что ты уйдёшь первым.

Он засмеялся. У него был хороший смех — короткий, глухой, как стук камня о камень.

— Я всегда иду первым, — сказал он. — Кто-то же должен.

И она засмеялась тоже, потому что тогда, в тот момент, на мягком мху под старыми берёзами, смерть была просто словом. Просто звуком. Далёким и нестрашным, как гром за горизонтом.

Охота на мамонта началась на рассвете.

Эли проснулась от того, что Кай встал. Она почувствовала это телом — холод, хлынувший на место его тепла, — и открыла глаза. В пещере было темно, только угли костра тлели красным, и в их свете Кай был силуэтом — широким, неподвижным, как скала.

Он привязывал наконечник к древку копья. Кремень, добытый три дня назад, обработанный вчера. Острый, как боль.

— Не ходи, — сказала Эли.

Она говорила это каждый раз. Это был ритуал, такой же, как смазывание наконечников жиром, как рисование охрой на щеках, как молчаливая молитва, которую бормотал старый Вук перед каждой охотой.

Кай не ответил. Он никогда не отвечал на это.

Вместо ответа он наклонился, коснулся губами её лба — сухо, быстро — и вышел.

Снаружи его ждали семеро: Вук, Тар, Бел, близнецы Рас и Рон, молодой Дим и совсем мальчишка Ати, которому это была первая большая охота. Эли слышала, как они переговаривались — тихо, отрывисто, как переговариваются люди, идущие на войну. Она слышала хруст снега под их ногами. Слышала, как Ати споткнулся и кто-то — наверное, Тар — тихо выругался.

Потом — тишина.

Эли лежала в темноте пещеры, и тишина заполняла пространство, как вода заполняет впадину, медленно и неостановимо. Рядом спали женщины и дети. Маленький Тис сопел, прижавшись к матери. Старая Нау лежала на спине с открытым ртом, и Эли могла видеть, как поднимается и опускается её впалая грудь — медленно, с усилием, будто каждый вдох был работой.

Все спали.

Эли не могла.

Она встала, накинула на плечи шкуру — тяжёлую, грубую, пахнущую дымом и зверем, — и вышла наружу.

Мир был белым.

Снег выпал ночью — первый настоящий снег этой зимы, — и теперь всё было укрыто им: земля, деревья, камни у входа в пещеру, тропа, уходящая вниз, к реке. Небо было низким, серым, беременным новым снегом. Воздух стоял неподвижно, и было так тихо, что Эли слышала собственное сердцебиение.

Она простояла у входа до полудня, глядя на тропу.

До вечера.

До темноты.

Они вернулись, когда луна уже поднялась — тусклая, размытая за облаками, как отпечаток пальца на мокром камне. Эли услышала их раньше, чем увидела: тяжёлые шаги, прерывистое дыхание, и ещё звук — странный, мокрый, хлюпающий, — который она знала, но не хотела узнавать.

Первым шёл Тар. Лицо у него было серым.

За ним — Вук и Бел, и между ними, на носилках из двух копий и растянутой шкуры, лежал Кай.

Он был жив.

Ещё жив.

Левый бок разорван от бедра до рёбер — удар бивнем, поняла Эли, и всё внутри неё стало очень тихим и очень ясным, как бывает в момент, когда падаешь с высоты и ещё не ударился о землю. Кровь была чёрной в лунном свете. Её было много. Слишком много. Она капала с носилок и оставляла на снегу цепочку тёмных пятен, как следы какого-то неведомого зверя.

— Эли, — сказал Тар.

Она уже бежала.

Она работала всю ночь.

Мыльнянка. Жир. Зола. Паутина, снятая с углов пещеры, — она останавливает кровь, Эли знала это, мать научила. Иглы из рыбьих костей, нитки из оленьих жил — шить, шить, стягивать края раны, как стягивают края шкуры, только шкура не кричит, а Кай кричал, пока Тар и Вук держали его за руки и за ноги, а потом перестал кричать, и это было хуже.

Эли шила.

Пальцы были скользкими от крови. Свет костра прыгал, и тени прыгали вместе с ним, и казалось, что стены пещеры дышат — вдох, выдох, вдох, выдох. На стенах были рисунки — старые, сделанные ещё до того, как племя пришло сюда: олени, лошади, бизоны, и среди них — фигурка человека с поднятыми руками, маленькая, чёрная, беспомощная среди громадных зверей.

Эли шила и не плакала.

Она не плакала, потому что мать говорила: «Слёзы — это вода, а вода течёт вниз. Целитель должен держать всё наверху — руки, голову, сердце».

К рассвету рана была зашита. Грубо, неровно — кожа стянулась буграми, как кора старого дерева, — но кровь остановилась. Кай дышал. Поверхностно, часто, как дышит раненый зверь, но дышал.

Эли сидела рядом, держала его руку и считала вдохи.

Один.

Два.

Три.

На четвёртый день он открыл глаза и попросил воды.

На шестой — попытался сесть и упал.

На десятый — жар.

Жар пришёл ночью, как вор. Сначала — дрожь, мелкая, частая, будто под кожей бежали мыши. Потом — пот, обильный, пахнувший кислым. Потом — бред.

Кай метался на шкурах и говорил вещи, которых Эли не понимала. Он звал мать, которая умерла, когда ему было пять вёсен. Он разговаривал с мамонтом — просил прощения, и голос его был детским, тонким, не его. Он хватал воздух руками, будто ловил что-то невидимое.

Эли меняла компрессы из мокрых шкур. Вливала ему в рот отвар ивовой коры. Прикладывала к вискам холодные камни из реки.

Ничего не помогало.

На двенадцатый день жар стал таким сильным, что, коснувшись его лба, Эли отёрнула руку — кожа обжигала, как камень, пролежавший в костре.

Старая Нау подошла к ней. Встала рядом, опираясь на палку, и долго смотрела на Кая. Потом положила руку на плечо Эли — тяжёлую, сухую, как птичья лапа, — и сказала:

— Отпусти.

— Нет.

— Он уже уходит. Ты только держишь его здесь. Ему больно.

— Нет.

— Эли.

— Нет!

Нау замолчала. Постояла ещё немного, потом развернулась и ушла, и стук её палки по камню звучал как удары сердца — медленные, ровные, спокойные.

Эли осталась.

Она не спала трое суток. Мир стал мутным, зыбким, как отражение в грязной воде. Звуки доходили до неё словно сквозь толщу земли — голоса женщин, плач детей, треск костра. Всё было далёким и ненастоящим. Настоящим было только лицо Кая — бледное, заострившееся, с запавшими глазами и потрескавшимися губами, — и его дыхание, которое становилось всё реже.

Вдох.

Пауза.

Вдох.

Длинная пауза.

Вдох.

На тринадцатую ночь он открыл глаза — ясные, чистые, без жара, — посмотрел на неё и сказал:

— Холодно.

Эли легла рядом, обняла его, прижалась всем телом, пытаясь отдать ему своё тепло, всё, до последней искры.

— Я здесь, — прошептала она. — Я здесь, я здесь, я здесь.

Он поднял руку — медленно, с усилием, будто рука весила как бревно, — и коснулся её щеки. Пальцы были ледяными.

— Ты... — начал он.

Не закончил.

Рука упала.

Эли лежала рядом с ним, обнимая его, ещё долго после того, как его тело остыло. Она не плакала. Она не кричала. Она просто лежала и слушала тишину — тишину, которая была не снаружи, а внутри, огромную, чёрную, бездонную тишину, которая заполнила всё пространство, где раньше было его дыхание.

Потом она встала.

Посмотрела на свои руки — в его крови, в его поте, бесполезные, бессильные руки, которые умели зашивать раны, но не умели удержать жизнь, — и вышла из пещеры.

Снег перестал идти. Небо очистилось, и звёзды были такими яркими, такими безжалостно красивыми, что Эли впервые в жизни ненавидела их.

Она знала, куда идти.

Глава вторая. Пещера Моря

Это место не имело названия.

Вернее, у него было имя, но никто не произносил его вслух — так же, как не произносят имя болезни, чтобы не призвать её. Нау называла его «нижним ртом» — дыра в скале, узкая, косая, похожая на рот, кривящийся в усмешке, уходящая вниз, в темноту, где камень переставал быть камнем и становился чем-то другим.

Эли была там однажды — девочкой, когда мать привела её к входу и сказала:

— Видишь? Сюда не ходи. Никогда. Что бы ни случилось.

— Почему?

— Там живёт Та-Которая-Забирает.

— Кто она?

Мать присела, взяла Эли за плечи и посмотрела ей в глаза. У матери были такие же тёмные глаза, как у Эли, — бездонные, блестящие, — и в них не было страха. Было что-то другое. Уважение.

— Она не злая и не добрая, — сказала мать. — Она — как зима. Зима не ненавидит нас, когда убивает. Она просто есть. Понимаешь?

Эли кивнула, хотя не поняла.

Теперь она понимала.

Теперь она стояла у входа в нижний рот и смотрела в темноту, и темнота смотрела на неё, и Эли было всё равно.

Горе — странная вещь. Оно не делает тебя слабым. Оно делает тебя пустым. Пустым, как выеденная изнутри кость, пустым, как высохший бурдюк, пустым, как пещера, из которой ушли все. В пустоте нет места страху. Страх — это когда ты боишься потерять что-то. А когда терять нечего, остаётся только движение. Просто ставишь одну ногу перед другой и идёшь.

Эли вошла.

Проход был узким — она протискивалась боком, сдирая кожу о камень, и камень был мокрым, холодным, живым на ощупь, будто она пролезала сквозь горло спящего зверя. Темнота была абсолютной — не серой, не синей, а чёрной, такой чёрной, что глаза начинали видеть то, чего не было: вспышки, искры, лица.

Лицо Кая.

Лицо матери.

Лицо маленького Тиса, которого она зашивала прошлым летом, — мальчишеское, перепуганное, мокрое от слёз.

Эли закрыла глаза. В темноте это не имело значения.

Она шла долго. Или недолго. Время здесь не работало. Оно загустело, как жир на холоде, и каждый шаг мог длиться мгновение или вечность — разницы не было. Под ногами хрустело — то ли камень, то ли кости, то ли лёд. Воздух был другим: не холодным и не тёплым, а никаким, как будто его и не было вовсе, и Эли дышала пустотой.

Потом проход расширился.

Она это почувствовала — не увидела, а почувствовала кожей, как чувствуешь, что вышла из леса на поляну: пространство вокруг стало больше, потолок ушёл вверх, и звук шагов изменился — стал гулким, с эхом, отражающимся от невидимых стен.

Она стояла в пещере — огромной, как небо, тёмной, как дно реки.

И здесь было тепло.

Не жарко — тепло. Мягкое, ровное тепло, как от тела спящего человека. Как от тела Кая, когда она прижималась к нему ночью.

Эли опустила на колени.

— Я пришла, — сказала она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.